

III. Красный паук работает

Не утихли крики по поводу процесса и циничного убийства шестидцати старых главарей компартии; не кончился еще барабанный бой советской печати в связи с казенной демонстрацией с созывом всесоюзного с'езда и с'езда РСФСР, где «всенародно принималась» «самая демократическая в мире конституция», как на сцене поставили новую комедию — «процесс семнадцатых».

В этом процессе все идет как следует, по сталинскому шаблону. Старые революционеры ползут на четвереньках, признаваясь, что они готовили продажу части СССР Германии и Японии, при чем, якобы, действовали, при этом, по приказу «всемогущего» Троцкого, этого больного, загнанного, всеми народами СССР ненавидимого старика; «благодарный» народ — «19 крупнейших ученых, 43 художника и скульптора, 45.000 инженеров» — требует смерти этим «троцкистам», а прокурор Вышинский, конечно, не может идти против «воли народа» и требует для всех высшей меры наказания.

Буржуазный мир, так упорно и умело поддерживавший большевиков; вся либеральная пресса, так удачно рекламировавшая «советские достижения», изумлены и теряются в догадках — что это такое?

Между тем, нет никакой надобности искать разумных объяснений этому явлению. Это ничто иное, как безумство обреченных.

Чтобы понять всю ложь и фальшь этой очередной театральной постановки достаточно более внимательно присмотреться к тому, что сегодня есть в СССР. За 20 лет владычества компартии внутри страны не создано ни морального единства населения, ни экономического благополучия, ни внутреннего мира. Власть держится исключительно на терроре и убийствах. Все население страны ненавидит и с звериной злобой относится к компартии. При первой же возможности от этой трехмиллионной компартии останутся только рожки да ножки. Народ ее истребит. При таком количественном соотношении всей компартии и населения и при такой взаимной их ненависти, просто смешно говорить о том, что только часть этой партии, во главе с Томскими, Бухаринскими и Радеками — может с'играть решающую роль в судьбах страны.

А. Ф. ЗОЛОТОВ

Князь Данзан Тундутов

Посвящается его

сыну Николаю.

Данных нет, что Тундутовых род от Ха-Хана идет. Но факт, что столетия шесть или семь Княжеский род их живет.

Много видели эти князья, знали войну, меж собою вражду, лицемерие, знали врага — злее лютого зверя, знали чудные дни Славы Великой, но не знали чудовищ, пьяных от крови и мести жуткой и дикой! Знать Небо решило уж так: чудовищу этому в пасть Князь Данзан был должен попасть!

Пусть русские демократические папы в эмиграции стараются найти в смертельных судорогах Сталина его поворот к любезной их сердцу эволюции; пусть любители «сильной власти» приходят в телячий восторг от сталинского проявления «железной воли». Для нас, простых смертных, это есть всего лишь бесспорное доказательство того, что сердцевина советской власти окончательно стигла, дни ее сочтены.

Сталин и его подручные не могут эволюционировать даже при самом искреннем своем желании. На пути к этой эволюции лежит море крови десятка миллионов замученных ими, ни в чем неповинных людей. Эта кровь вопиет к небу. «И мальчики кровавые в глазах» у Сталина и его подручных. «И рад бегать, да некуда... ужасно!» — вот единственное объяснение того, что творится сейчас в Москве.

Испанское предприятие Сталина безнадежно рухнуло; Франция, на которую так много надежды возлагала Москва, как будто не желает плясать под ее дудку, разлагательная работа московских заплочных дел мастеров во всех странах постепенно открывает глаза миру; могущественные авторитарные государства Европы складывают свои силы для отпора советскому наступлению. Мощная восточная страна также привлекается к европейскому «идеологическому фронту». Внутреннее положение (политическое и экономическое) СССР не так крепко и хорошо, как о том трубят советские казенные газеты. Внутри почва поколебалась.

И Сталин замедлался. Не имея ни в каком слое населения поддержки, он, в безумстве своем, цинично расправляется с теми, кто раньше портили ему кровь в партии.

— «За Сталина никто не умрет, от Сталина могут». Эту истину усвоили давно все народы СССР. Ее же, наконец, понял сам Сталин.

— «Раб не может быть другом, тиран не может иметь друзей» — сказал, кажется, Ницше.

А тиран из тиранов, Сталин, по давню не может иметь друзей.

Конец его власти приближается, вместе с тем приближается и день освобождения народов.

Да будет так! Да здравствует свобода народов!

показал. Храмы Господни он осквернил, устон семьи сокрушил, а совесть, да честь — лаптем в грязь затоптал и, как безумный, об этой ужасной победе кричал. Грабь и бей, насидуй и жи! — рабу новый хозяин шептал. Грабил и бил, насилье творил и славу владельцу с надрывом каким-то раб воздавал. Пьяный от крови широкой волной по всем весям страны раб решил свою власть прививать. Не думал должно, что придется ему препятствия брать. Нашлись витязи чести, защитники нравов и веры! Их голос раздался: дальше ни шагу! Всею есть предел, а также и мера!

Загорелась такая война, какой мир никогда и не знал, да и представить ее только может лишь тот, кто в ней лично участие принял. Реки наполнились кровью, костями покрывалась вся степь. На каждого витязя шло девять или десять! Красиво и жутко, козь приходилось на эту картину глядеть! Три года дрались и в последних боях стихия врагу помогла. Пришлось уходить в чужие края: одна лишь дорога была! Отошли — но имя и честь сохранили! Отошли — для нового боя удобный момент ждаты решили!

Витязи эти — славные все!

Князь Данзан не был политик. Для борьбы с красной звездой он у немцев помощь искал. За это «кому-то» в немилость попал. А те, кто в политике этой курс верный держали — горы всяческих благ что-ли снискали? Нет — князь был прав! Для борьбы с язвою мира всего хорош даже с чортом союз, если защитникам прав и чести он дает хотя маленький плюс!

За границей Князь знакомство и связи имел, были и средства для жизни, и безбедно он мог бы средь

чуждых народов в изгнании жить, но долг, совесть и честь в такой обстановке не позволили быть.

Он был Калмыцкий Нойон, потомок тех славных из предков, что привели Калмыцкий народ с востока на Волгу и Дон! Эти предки с народом своим в дни покоя и мира Синему Небу хвалу возносили, в дни испытаний и бед горькую чашу до дна вместе все пили. Князь знал, что предки его в дни ненастья свой народ не бросали. И картины былого, жгуче - большого, как виденье, сразу предстали! Ясно — Князь не мог оставаться спокойным. Да и родился-то он под солнцем столь знойным! Он порывист, горяч. С твердою волей, он знал, что такое есть долг! И решил Князь к народу итти, поступить же иначе не мог!

И вновь перед ним одна за другою картины: оскверненных разбитых хурулов, трупы служив елей их, расстрелы всех без различия, даже малых детей и бабок седых. Вон — калмычку чести* лишили, и надругавшись, на части ее изрубили. И пошел Князь, чтоб спасти свой народ от проклятого гада. С ним вера была и правота его взгляда. Он думал восстание вновь там начать, но был не момент. А для тайной борьбы — пропаганды сил, оказалось, достаточных нет. Но это не важно! Достойно внимания то, что Князь народ свой родной не оставил и тем имя свое навеки прославил! Ради борьбы за благо народа Князь жизнь молодую на карту поставил и, духом могучий, на путь, где витает лишь смерть, стопы он бесстрашно направил. Чтобы к народу родному попасть, Князь спустился на дно страшного ада... Он погиб, но открылись ему двери райского сада!

А. Ф. Золотов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция обращается ко всем своим друзьям с горячей просьбой поддержать издание «Ковыльных Волн» присылкой материалов, не стесняясь их размером и обработкой. Информационные заметки о жизни на местах, выдержки писем из Родных Краев, статьи по калмыцким и казачьим вопросам будут приниматься с благодарностью.

Присылать материал нужно не дожидаясь выхода журнала, а сейчас же, ибо журнал наш выходит не регулярно, а по мере накопления материалов и сбора средств. Может он выйти через три месяца, но может выйти и через три недели.

А. И. БОЯРИНОВ

Степной поп

Отец Александр Просвиров священствовал в х. Матюшином, на Сазу, до проведения Тихорецко-Царицынской железной дорогой, т. е. когда резкий свист паровоза еще не прорезал властно степных просторов и не гремел победно гром стальных колес бешено мчавшегося и звизжающего на изгибах, подобно гусенице, стоногого чудовища; когда городская культура, нахлынувшая вместе с железной дорогой, в виде жуликоватого спекулянта, юркого и развращенного приказчика, спиртных напитков с неслыханными названиями, вычурных женских мод, скверных болезней, — была почти еще неизвестна в этих захолустных, Богом хранимых, степных краях. Тогда не бросали жены мужей ради бойкого на язык, вкрадчивого и лукавого

проходимца, не несли на базар, потаясь от семьи, масло, каймак, молоко, кур и пр., чтобы купить потом румяна, белила, ленты и прочую дрянь. Жили тогда казаки просто, крепко хранили веру отцов и дедовские обычаи и были по своему счастливы. И если бы можно было взвесить на весах, то несомненно, что счастье матюшинцев оказалось бы куда полновеснее счастья жителей хотя бы ближайших городов — Царицына и Ростова.

Разбросались матюшинцы по правому нагорному берегу Сала отдельными дворами - усадьбами, просторством не стесняясь, каждый захватив земли по своей хозяйственной силе - мочи, чтобы и друг другу не мешать и чтобы между дворами было просторно и